

инспекторами курсов, милыми женщинами, помогавшими нам, либо у меня дома.

Трогательные и забавные послания я получала от начальников к Новому году, к 8 марта и ко дню рождения. Не могу не привести некоторые из них.

К 8 марта 1982 года:

*Орлова, свет
Ты наш особый!
Тебе несем любовь свою!
Забудь все горести,
Заботы,
И вновь встречай
Весну твою!*

Ко дню рождения:

*Пять болванов-истуканов
Из граненых пьют стаканов!
Так, здоровья не щадя,
Поздравляют все тебя!
11 мая 1980 года*

К 8 марта 1987года:

*Пусть будет славен дирижер
Весеннего оркестра!
В сердцах начальников лихих
Осталось твое место.*

Все «начальники».

Конечно, я тоже писала начальникам и инспекторам поздравления.

У меня сохранилась лишь одна моя открытка – поздравление с 23 февраля.

«Дорогих начальников – помощников поздравляю с мужским днем – 23 февраля.

Желаю всех благ дома, на работе, в путешествиях, на выездных практиках, в науке и «в личной жизни», если у вас остается хоть минимальная возможность для нее.

Будьте счастливы, спокойны, разумны. Веселого вам праздника! Целую.

Ваша Н. Н. 23 февраля 1979 г.»

Еженедельно собирался деканат – декан, все его заместители, представители общественных организаций – партийного и комсомольского бюро профкома факультета, часто приглашались заведующие кафедр (или их заместители).

Постепенно я знакомилась с заведующими, учеными секретарями и преподавателями кафедр Биофака, а также других факультетов, которые работали у нас, – мехмата, физфака, химфака, общественных дисциплин (истории КПСС, диамата, истмата, научного коммунизма). Ежемесячно собирала по разным учебным делам учебных секретарей.

Работа в деканате занимала много времени, потому что ко мне приходили не только в официальные часы приема, но в любой день, если у кого-либо возникала в этом необходимость. Продолжалась и главная для меня преподавательская и кураторская работа в группе генетиков – постоянное общение со студентами.

Во время моей работы в деканате довольно много времени отнимала работа в методической комиссии по составлению учебных планов для двух отделений Биофака, так как эти планы дважды менялись. Приходилось согласовывать изменения не только с заведующими кафедр нашего факультета, но и с преподавателями физфака, мехмата и химфака, ответственными за математику, физику и химию.

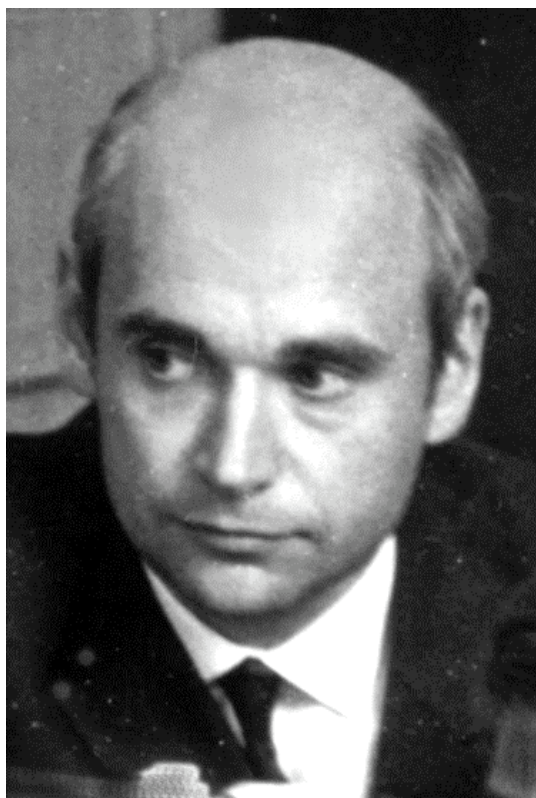
Много времени и сил отнимало ежемесячное, а иногда и гораздо чаще, посещение общежитий. Это – главное здание, где жили старшекурсники, и филиал дома студентов (ФДС-4), находящийся за кинотеатром «Литва», где жили студенты первых трех курсов.

Первое посещение ФДС произвело на меня удручающее впечатление.

Комнаты на четверых были похожи на плохую казарму – голые, скучно окрашенные стены, которые не разрешалось украшать ничем – ни картинами, ни фотографиями, ни ковриками. В холлах та же картина – голые стены. Не общежитие, а тоска зеленая (или желтая, в зависимости от

цвета стен). Особенно от этой унылости страдали девочки, ведь дома почти у всех из них был свой уголок, который каждая украшала по своему вкусу.

Пришлось не раз обращаться к начальнику общежитий Чибинову, доказывать и просить, чтобы разрешили как-то украсить ФДС, приблизить его обстановку к домашней. Наконец, удалось добиться того, что на стены комнат, тем,

*Мой друг Володя Сперантов –
физик, поэт, музыкант*

кто хотел, разрешили прикрепить обои и на них развешивать фотографии, картинки и пр. В холлах двух этажей ребята разрисовали по одной стене. На одном этаже студент Гриша Бойко нарисовал чудесную яркую картину – по уходящей вдаль дороге шел мальчик с развевающимися волосами, вдоль дороги росли необыкновенные экзотические растения и над всем этим – синее-синее небо...

На другом этаже на стене холла появилось изображение моря, в котором плавали разные красивые рыбы, медузы и другие морские животные, со дна поднимались кораллы и растения.

Не знаю, сохранились ли эти замечательные картины после ремонта где-то в 80-х годах, жаль, если их закрасили.

В общежития ходила часто вместе с кем-либо из начальников курса, чаще мы бывали у студентов 1-го и 2-го курсов, в ФДС. Обычно мы заходили в заранее намеченную комнату, куда быстро собирались ребята из других комнат, и начинался разговор о проблемах, которые возникали у ребят.

Иногда ходили к ребятам, чтобы рассказать им что-нибудь интересное. Один раз я приходила к студентам своей генетической группы и рассказывала им родословную А.С. Пушкина. Бывало и так, что ребята приглашали меня и начальника курса и куратора группы в гости на день рождения или свадьбу. Тогда накрывался праздничный стол, дарили подарки. Конечно, в общежитии был сухой закон, но в такие праздничные дни мы вместе с ребятами выпивали по рюмке какого-нибудь вина за здоровье и процветание именинника или молодоженов.

Но бывало и по-другому. Мы знали, что некоторые ребята, чаще всего те, кто поступил в МГУ после армии, частенько пьянствуют в общежитии. Но выявить этих пьянчуг никак не удавалось, так как они, зная, что за пьянки могут вылететь из университета, когда пили, запирались в комнате и на стук не отзывались. А привлекать коменданта, брать запасной ключ и отпирать дверь было противно. Правда, некоторые из пьянчуг рано или поздно попадались и тогда наказывались и даже исключались из МГУ.

Однажды мы с Женей Ивановым, тогда начальником первого курса, как обычно, после занятий пришли в ФДС проведать ребят. Когда мы вошли в здание, то увидели испуганную девочку, которая бежала к коменданту и громко кричала, что на 3-м этаже драка. Девочка была с Биофака, а на 3-м этаже жили наши ребята. Не раздумывая, я побежала на этаж, за мной бежал Женя и уговаривал не торопиться – мало ли, кто там дерется.

Прибежав на этаж, мы застали такую картину – двое сильно пьяных парней с 4-го курса кафедры зоологии позвоночных, всерьез дрались, так что у одного лилась кровь из носа, у другого была разорвана на груди рубаха...

Я стремительно подбежала и встала между ними. От неожиданности они перестали биться и стали что-то невнятно объяснять. Мальчишек этих я, естественно, знала – это были Грачев, или Грач, как звали его ребята, и Михайлов. Как выяснилось, они дрались из-за девицы, поступившей к

нам с рабфака – был такой специальный набор ребят, отработавших 2 года на производстве.

Драка прекратилась, ребят я вызвала на деканатскую комиссию, где они по общему согласию всех членов комиссии были представлены к отчислению.

Оба отправились служить в армию.

Спустя два года на перемене в аудиторию, где я вела занятия, вошел высокий, стройный, подтянутый красивый парень. «Узнаете меня, Нина Николаевна?» – спросил он, «Конечно», – ответила я. – «Ты Грачев». «Я пришел, чтобы поблагодарить Вас», – сказал он. «За что?» – удивилась я. «За то, что вы тогда исключили меня из университета, если бы этого не произошло, я бы спился». Вот это да! За такое меня еще никто никогда не благодарил!

Он рассказал, что два года отслужил в Германии, о многом думал, многое понял и теперь хочет восстановиться на факультете, чтобы продолжить учебу. Его желание и просьбу о восстановлении я и наша деканатская комиссия, естественно, поддержали. Позже появился и Михайлов, отслужив свой срок на Дальнем Востоке, с той же просьбой о восстановлении. Оба вернулись на кафедру и благополучно ее окончили.

Вообще исключали из университета не часто, ведь большинство ребят любили биологию и прилично учились. Причем исключали за большие провинности – за три двойки после пересдач по одному или нескольким предметам, за пьянство и хамское поведение в общежитии и воровство.

Запомнился один случай. Одна из девушек, поступившая к нам по набору из Киргизии (по набору присылали ребят из республик, сдавших хорошо экзамены у себя в республике), украла у своей соседки-иностранки, с которой жила в одном блоке в главном здании, какие-то вещи. Иностранка сообщила об этом, и деканатская комиссия приняла решение об отчислении за недостойное поведение.

Вскоре ко мне на прием пришел ее отец – грузный мужчина со значком Депутата Верховного Совета СССР на лацкане пиджака. Он пытался убедить меня, что эта кража – недоразумение, ошибка и что он, депутат не верит, что его дочь – воровка.

Ссылка на его депутатство не помогла, девчонку исключили.

Довольно неприятная история была где-то в 80-х годах с ребятами из набора Грузии. Обычно присылали к нам на

учебу от республик 1–3 человек. В тот год из Грузии приехало человек 8–10, в основном это были дети разных начальников – депутатов, секретарей райкомов и горкомов партии, деканов и преподавателей ВУЗов. Многие ребята сразу стали учиться старательно, с интересом, хотя не всем учеба давалась легко.

Но некоторые из них решили, что в МГУ можно побездельничать, коль скоро они так легко сюда попали, тем более что у них высокопоставленные родители – в Грузии это имело немалое значение.

Так с одной из девушек этого набора произошла неприятная, почти криминальная история. Училась она плохо, иногда пропускала занятия, а когда дело дошло до экзаменов, то она трижды не смогла сдать свой первый экзамен по зоологии беспозвоночных, и была представлена к отчислению вместе с несколькими мальчишками из того же набора. Спустя день или два ко мне на прием пришла женщина, представившаяся журналисткой, аккредитованной при Представительстве Грузии в Москве. Она рассказала, что у девочки, которую мы представили к отчислению, тяжело болен отец, у него рак, и девочке приходится быть при нем, ухаживать за ним и страдать по этому поводу, так что времени на учебу и подготовку к экзамену у нее практически не было.

Я выразила свое сочувствие и сказала, что, учитывая эти обстоятельства, факультет разрешит еще одну пересдачу, пусть она готовится. Примечательно, что во время разговора журналистка предлагала мне билеты в разные театры, приглашала на концерты в Представительстве. Еще через день ко мне пришел доцент кафедры зоологии беспозвоночных, мой приятель, Стасик Левушкин, и сообщил, что к нему тоже приходила та же журналистка, рассказывала о бедственном положении студентки и тоже почему-то предлагала билеты на спектакли и концерты. Это как-то настораживало. Наконец, появилась и студентка, чтобы взять разрешение на пересдачу. Я, естественно, спросила, как себя чувствует ее больной отец. Она удивилась, сказала, что отец здоров и чувствует себя отлично. Стало ясно, что история, рассказанная журналисткой, – ложь. А потому экзамен нужно принимать, как у всех, без скидок на «смертельно больного отца». Результат – очередная двойка. Наше представление на отчисление пошло в ректорат. Но на этом история не закончилась.

12 января 2006
Начало **19⁰⁰**

**Центральный дом
литераторов**

Большой зал

Адрес: Большая Никитская, 53
метро «Баррикадная»

ДМИТРИЙ СУХАРЕВ

«И если петь, то с вами вместе»

Вместе с юбиляром
в вечере примут участие:

Марина Бородицкая
Александр Городницкий
Александр Дулов
Вадим Егоров
Юлий Ким
Татьяна Ларина
Сергей Никитин
Виктор Фридман
Олег Чухонцев

а также

участники ансамбля
«Песни Нашего Века»
и трио **«Брют»**

Билеты в кассе ЦДЛ:
тел. **291-63-16**

Афиша

Центрального дома литераторов

Примерно через неделю меня вызвал декан и показал мне письмо журналистки, присланное на имя проректора МГУ и переданное М.В. Гусеву для рассмотрения и вынесения решения по поводу изложенного в письме.

А написано в нем было, что заместитель декана биологического факультета МГУ по учебно-воспитательной работе Н.Н. Орлова – грубая, жестокая женщина, плохо относится к ребятам, особенно к тем, кто приезжает из

республик, не принимает во внимание ни болезнь родителей, ни трудности с языком и т. д. и т. п. Ей бы (это мне) служить в концлагере, а не в университете! Возмущению моему не было предела. Я тут же написала письмо в ректорат, изложив все, как было на самом деле. Кроме того, тут же позвонила в Грузинское Представительство, объяснила ситуацию и потребовала, чтобы призвали журналистку к порядку. Мне сказали, что они разберутся, а спустя еще несколько дней глава представительства сам позвонил мне извинился и сказал, что журналистке отказано в аккредитации и она отправлена в Грузию. Но нервы мне вся эта история потрепала изрядно.

А ту девчонку, двоечницу чьими-то стараниями перевели на факультет Почвоведения.

Еще зимой начиналась подготовка к летним практикам. Готовили базы, составляли планы, выделяли преподавателей, назначали начальников практик и т. п. Во время моей учебы на Биофаке были практики в Чашниково, где занимались студенты первого курса, в Звенигороде – практика второго курса, несколько зоологических кафедр проводили практику на Белом море (Беломорская биологическая станция – ББС). В 70-е годы появилась база в Пущино для биофизиков, а также возникла необходимость найти новую базу для проведения практики студентов зоолого-ботанического отделения, вместо Чашниково.

Поиском нового места практики занялись мы с **Вадимом Тихомировым**, который к тому времени был уже доктором биологических наук, заведующим кафедрой высших растений. В то время сложились хорошие, плодотворные, рабочие отношения ряда кафедр нашего Биофака с Мордовским госуниверситетом. Именно туда мы и направились с Вадимом.

С поездками в Мордовию связаны три происшествия, два неприятных, почти трагических, и одно забавное.

Начну с плохого. Для выбора места практики нас повезли сначала под город Темников, в заповедник. Посмотрев место и подъезды к нему, от заповедника мы отказались и поехали обратно в Саранск. Ехали на двух машинах. Я сидела рядом с водителем «Жигулей», доцентом кафедры ботаники Саранского университета, сзади сидела Саша Львова, преподавательница кафедры МГУ, зоолог. Дорога была типично российская – рытвины да ухабы. Возвращались мы

уже под вечер и водитель, объезжая рытвину или какую-нибудь промоину, говорил: «Если бы мы сейчас попали в эту рытвину, то вылетели бы на обочину», или: «Если бы мы не заметили этой промоины, то машина могла бы перевернуться» и т. п. Дорога длинная, темно. Наслушавшись этих его заявлений, я решила на всякий случай пристегнуться ремнем безопасности, до этого ездила без него. Где-то в первом часу ночи въехали в Саранск. Тут уж доцент осмелел и поехал на скорости, с которой в городе ездить не полагается – примерно 80 км в час. До гостиницы оставалось проехать минут 20. И тут случилось то, чего и следовало ожидать – наш «Жигуль», не притормаживая, влетает на главную улицу, а навстречу ему примерно на той же скорости несется такси. Произошло столкновение – удар пришелся в левую фару. Фара, передний бампер и часть мотора разбились, а ось удара пришлась на меня – я летела в лобовое стекло, от прямого удара спас пояс. Не знаю, почему, но во втором часу ночи оказалось на улице много мужчин, которые вместе с мгновенно приехавшей милицией стали обсуждать аварию. Милиционер, прежде всего, спросил, есть ли пострадавшие.

Я с трудом, держась за ушибленную грудь, вылезла из машины и сказала, что пострадавших нет. «А с Вами что, почему вы согнулись? Были на ремне безопасности?» Услышав положительный ответ, он сказал, что тогда все понятно: «Вас раздавило». Пока милиция и шоферы разбирали аварию, мы с трудом доковыляли до гостиницы. Утром меня направили в поликлинику, где с помощью рентгена установили, что у меня трещина на ребре. Как говорили в какой-то кинокомедии: «Ничего себе, сходили за хлебушком!» А после приема у врача мы сели в другую машину (прежняя уже ходить без ремонта не могла) и снова поехали выбирать место для практики. У меня за пазухой было мокрое полотенце, на которое время от времени я лила из бутылки холодную воду. Мораль – с тех пор я всегда пристегиваюсь ремнем безопасности.

А место выбрали прекрасное, на берегу чистой речки Суры, в лесу, где было множество интересных растений, в частности, большие куртины Венериного башмачка.

Летом началась новая практика, были экскурсии по лесу, след в след, чтобы не затоптать что-нибудь интересное, ходили на меловые отложения, где росли растения, которых

нет в наших местах. При этом я передвигалась в носках, так как приехала на практику в босоножках на небольших каблуках, но не могла удержаться, чтобы не пойти на экскурсию с Вадимом, как никак мой первый учитель ботаники. Радостно произносила названия известных мне растений, Вадим только ухмылялся – откуда, мол, такие познания, – «А учитель-то кто!»

Где-то в середине практики решили устроить спортивные соревнования между студентами и преподавателями – бег, прыжки, игра в волейбол и футбол и пр. В числе прочих было соревнование по гребле на речке Суре. В лодку преподавателей сел Вадим. Не успели лодки отойти от берега, как лодка Вадима перевернулась, причем уже была приличная глубина. И тут мы поняли, что происходит что-то неладное – Вадим то появлялся над водой, то исчезал, и почему-то не плыл к берегу. Все затихли и, честно скажу, растерялись.

И тут прямо в одежде прыгнул в воду студент, поступивший на Биофак после армии, и потащил Вадима к берегу. Оказалось, что как это ни странно, Вадим не умел плавать. Слава Богу, все закончилось благополучно, Вадима и студента (насколько я помню, это был Толя Мирских) напоили разведенным спиртом, накормили и уложили спать. И долго обсуждали это происшествие и находчивость Толи.

Происшествие, о котором вспоминаю с улыбкой, произошло, когда мы с Вадимом первый раз поехали до приезда студентов на место практики. Нас сопровождали декан факультета и преподаватели Саранского университета. Они предложили по дороге сделать привал и поесть ухи из петуха. Мы удивились и согласились. Приехали на берег реки, одни мужчины разожгли костер, другие пошли ловить рыбу. Наконец, костер разгорелся, вода закипела, рыба была наловлена и почищена. Каково же было наше удивление, что в кипяток, прежде всего, был опущен петух и лишь когда он сварился, его вынули и положили в бульон рыбу! Уха была отличная! С Вадимом на долгие годы сложились теплые дружеские отношения.

А еще Вадим писал хорошие стихи.

*Я не знаю, случилось ли Вам
С зеленеющих тонких травинок
Собирать иногда по утрам*

*Бриллианты блестящих росинок.
Я успел их немало собрать,
А теперь хоть увидеть мечтаю...
Я Вам счастья хочу пожелать –
Бриллиантовых рос Вам желаю.
1980 г.*

*Улетели стрижи.
В пойме дремлют стога.
Очень поздними стали рассветы.
Разукрасился лес,
И дымятся луга
Паутинками бабьего лета.
1994 г.*

*Под звон сосулек с крыши
Все яростней и выше
Ликующее солнце над землей.
Грачиные тревоги,
Раскисшие дороги
В который раз зовут меня с собой.
Несчитанные звезды,
Немерянные версты
Не пройденных тропинок и дорог,
То солнце, то ненастье
Отчаянье и счастье,
Тетрадки ненаписанных стихов...
Но, значит, все же живы
Весенние мотивы,
По-прежнему в маршруты нас влечет,
И мы живем, как прежде,
В мерцающей надежде,
Что папоротник где-нибудь цветет.
1985 г.*

С Вадимом у меня сложились теплые дружеские отношения, он выразил сожаление по поводу моего ухода из деканата, сказав, что там я была нужна и на месте.

Практика в Мордовии дала возможность не только познакомиться с ее прекрасной природой, но и побывать в Болдино, у Пушкина. Мне вообще повезло – я была почти во всех пушкинских местах – в Михайловском, в Тригорском, в

Петровском, в пушкинских горах на его могиле, в Старом Петергофе, в Пушкинском лицее, в Павловске, в квартире на Мойке в Ленинграде, в Бернове и Малинниках в Тверской губернии, в Кишиневе и Одессе.

В Звенигород как заместитель декана я приехала в первый раз летом 1975 года, после 20-летнего перерыва. Ощущение было странное и грустное – все изменилось. Вместо палаток, где мы жили на практике, стояли домики, лес вокруг стал как-то реже, вокруг территории ЗБС появились дачные поселки. На нижних дачах, недалеко от Москвы-реки, устроили по милости одного горе-профессора зоологии участок с маленьким бассейном, куда поместили десятка два пингвинов. Смотреть на них было тягостно – стояла жара, пингвинам явно не хватало воды, им было душно. Спустя год пара пингвинов сбежала из загона, они доковыляли до реки и поплыли к Звенигороду, где их, бедолаг, выловили милиционеры и вновь вернули на ЗБС. Как и следовало ожидать, этот «эксперимент» закончился плачевно – все пингвины погибли.

В Звенигороде проводили не только зоологическую и ботаническую практики, позже там же мы вели небольшую генетическую практику со студентами нашей кафедры. В Звенигород ездила ежегодно.

В середине июня 1976 года я впервые попала на Беломорскую биологическую станцию (ББС). 8 июня скончался мой папа, состояние мое было подавленное, я с трудом выполняла свою работу. Именно в это время, после седьмого дня со дня смерти отца, меня пригласил наш декан и попросил съездить на ББС, посмотреть, как там идут дела и узнать, не нужна ли там какая-нибудь помощь. Думаю, что Михаил Викторович, отправляя меня на ББС, хотел помочь мне справиться с моим горем.

На поезде доехала до станции Пояконда, потом на катере меня привезли на ББС. Когда я вышла на пирс и посмотрела с залива на Биостанцию, то была ошеломлена и очарована красотой природы и самой станции. Она стояла на камнях – с одной стороны большое здание лабораторного корпуса, с другой – домики преподавателей и студентов, лесопилка, площадка для игры в волейбол. А у берега и пирса – настоящие морские волны, гладкие камешки. И все это было освещено ярким и веселым солнцем.

Меня встретил директор ББС, **Николай Андреевич Перцов**, фронтовик, замечательный человек, энтузиаст, умница, организатор и вдохновитель всего, что делалось на ББС. Меня поселили в маленьком домике. С утра началась экскурсия по станции, рассказы о том, что здесь было раньше, как все это строилось, как создавались первые стройотряды из студентов, преподавателей, сотрудников и даже школьников, как прокладывалась линия электропередач по камням и бездорожью. Работали, естественно, бесплатно.

Ходила я на занятия, было интересно. Посетила и замечательную баню. После занятий иногда играли в волейбол. Помню, как однажды заигрались до того, что ко мне подошел Николай Андреевич и тихонечко сказал, что уже три часа ночи, а завтра рабочий день. А на небе – яркое солнце и ни малейшего намека на темноту, на ночь. Впервые на берегах Белого моря в лесу увидела морошку, но попробовать ее не удалось – она еще не созрела.

Зато отведала замечательную, выловленную в море, свежую треску, какой никогда не пробовала в Москве. На лесопилке, на стройке, на кухне, на уборке территории – всюду в свободное от занятий время – трудились студенты и дежурные преподаватели, трудились добровольно, старательно. Таков был стиль жизни на ББС, который шел от директора станции – он сам был везде и всюду и всюду успевал.

С особым чувством вспоминается пение на Беломорской биологической станции (ББС). Вечером (правда, в июне там почти как днём – белые ночи) после работы и учебных занятий собирались студенты, преподаватели и сотрудники биостанции.

Приходил директор ББС, любимый всеми Николай Андреевич Перцов, приносил аккордеон, и начиналось! «Море Белое, словно чаша вина, на ладони моей качается». А дальше над морем летели, звучали, смеялись и плакали песни военных лет, биофаковские и привезённые из экспедиций с разных концов земли нашей песни...

Обстановка на ББС была настолько домашняя, душевная, что уезжать оттуда не хотелось. Но все кончается, закончилось и мое пребывание на Беломорской станции. Белое море, атмосфера практики и удивительная природа Севера частично сняли мою тоску об ушедшем отце.

На практику в Пушкино ездила несколько раз. Город Пушкино стоит на берегу Оки, город небольшой, но красивый, зеленый и чистый.

Знакомилась с лабораториями разных институтов, в которых ребята осваивали новые и новейшие приборы, установки и методы, собирали материал для курсовых и дипломных работ. Кстати, многие студенты после окончания Биофака оставались в Пушкино по распределению и работают там до сих пор.

Одна из поездок была очень печальная и нервная. В Оке утонул польский студент, рослый, сильный, спортивный парень, учившийся на нашем факультете. Для выяснения обстоятельств его гибели я и Сережа Чепурнов, замдекана по работе с иностранцами, приехали в Пушкино. Было разбирательство происшествия, разговор с родителями студента, проводы. Страшно и нелепо, когда погибают такие молодые, сильные люди.

Кроме общекурсовых практик на факультете были и кафедральные практики – зональные у ботаников, экспедиционные у зоологов и ихтиологов, а также выездные ознакомительные.

Именно такая выездная ознакомительная практика была у студентов нашей кафедры генетики. Со студентами после третьего курса мы ездили в Ленинград на кафедру генетики, лаборатории которой находилась в Старом Петергофе. Там же были и на полях, где изучали расщепление во втором поколении от скрещивания разных форм ржи и других растений. И там же ребятам показывали разные породы кур, и результаты их скрещиваний.

Эта практика, на мой взгляд, была хороша и полезна не только потому, что знакомила ребят с теми направлениями генетики, которых не было на нашей кафедре, но и с замечательными людьми, преданными науке – Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым – заведующим кафедрой генетики ЛГУ, Виктором Георгиевичем Смирновым, Леонидом Зиновьевичем Кайдановым, Сергеем Кожиным, Светланой Петровной Соснихиной, Маргаритой Михайловной Тихомировой и многими другими.

Кроме того, студенты познакомились с Ленинградом, что тоже входило в программу практики. Они ходили в Эрмитаж, Русский музей, квартиру А.С. Пушкина на Мойке,

Кунсткамеру, ездили по пригородам Ленинграда – в Старый и Новый Петергоф, Ломоносов, осматривали дворцы и парки, посещали Пушкинский лицей и пр.

Другая выездная практика генетиков проходила тоже летом по маршруту – Аскания Нова – Краснодар – Крым – Никитский ботанический сад – Одесса – Кишинев. В каждом из этих мест ребята знакомились с тем, как обстоят дела с развитием разных направлений генетики, и как идет внедрение ее достижений в практику, а также достопримечательностями этих мест. Например, в Кишиневе мы были на квартире, в которой жил в изгнании А.С. Пушкин.

Самым тяжелым в деканатской работе был период приема на факультет – конец мая–июнь. Подготовка к приему начиналась еще в конце зимы: назначали секретарей приемной комиссии, в том числе и ответственного секретаря, членов приемной и экзаменационной комиссий, составляли и обновляли вопросы экзаменационных билетов, готовили техническое обслуживание и т. п.

Абитуриенты тогда сдавали четыре экзамена – математику, русский язык (письменные экзамены), химию и биологию (устно). Так что в приеме участвовали преподаватели еще трех факультетов – мехмата, литфака и химфака. Председателем приемной комиссии был декан, его заместителем была я.

Перед каждым экзаменом проводили консультации в ББА, куда приходило много народа – абитуриенты, их родители (!), преподаватели, которые участвовали в экзамене. Конкурс в те годы был достаточно высок – 10–18 человек на место. Работать было сложно, родители осаждали приемную комиссию просьбами как-нибудь помочь их детям в поступлении (!), помочь написать апелляцию по поводу сданного экзамена. Особенно много народа собиралось в дни сдачи и в дни объявления результатов экзамена. Дело доходило до того, что иногда, чтобы не встречаться с чересчур настырными родителями, секретари и я поздно вечером уходили домой через окно, благо комиссия находилась на первом этаже. Иногда, правда, достаточно редко, некоторые родители, выловив кого-нибудь из секретарей приемной комиссии, даже предлагали взятку. Но тогда, слава Богу, взятки были не в моде и взяточники серьезно карались... Вспоминаю один курьезный случай.

Прихожу однажды в приемную комиссию и вижу смущенные лица членов комиссии. В чем дело? Оказалось, что утром зашел мужик, который и раньше заходил по поводу приема его дитяти, молча положил на стол большой сверток и быстро удалился. Что это? Сейчас, наверное, подумали бы, что это взрывное устройство. Тогда об этом даже не знали и поэтому просто развернули сверток, в котором оказалось несколько больших, хорошо завяленных лещей. Как быть? Мужик исчез и где его искать – неизвестно. Позвонила Гапочке, сказала, что в комиссию принесли стран-

*И снова концерты и песни.
Выступает Дмитрий Сухарев*

ную взятку, что нам делать? «Лещи? Хорошие? – засмеялся Гена, – Так съешьте их поскорее, да с пивом, «взятка» исчезнет навсегда и вряд ли кто-нибудь будет искать ее в ваших желудках, и мне кусочек оставьте». Так и сделали.

Основным экзаменом, который отсеивал обычно до 30% абитуриентов, был экзамен по математике. После каждого экзамена проводился просмотр работ, каждый абитуриент мог посмотреть свои ошибки. Потом работала апелляционная комиссия, которая могла повысить (или понизить!) оценку.

Самым нервным был экзамен по биологии, ведь оставался один шаг до зачисления, а, кроме того, почти каждый год на факультет поступали дети наших сотрудников.

Наконец, экзамены сданы, оценки по биологии и проходной балл известны. Поступившие ликовали, найдя себя в списках принятых, не поступившие хмурились, некоторые плакали и уходили.

Как правило, после экзаменов оставалась небольшая группа ребят, не добравших одного балла. Обсудив их школьные характеристики и наши впечатления, полученные от общения с ними, мы составляли небольшой список (7–10 человек), куда обычно входили и некоторые дети сотрудников, и с ним я направлялась к заместителю министра высшего образования Николаю Сергеевичу Егорову, а потом

*Поет мужской ансамбль Биофака МГУ.
2002 год*

в Ректорат, с просьбой добавить соответствующее число мест для Биофака. Как правило, начальство добавляло эти места. Кроме абитуриентов-школьников, на факультет зачисляли ребят, пришедших после службы в армии и не получившие двоек, на тех же условиях зачисляли слушателей рабфака.

После экзамена по биологии преподаватели, принимавшие экзамен, приносили нам абсурдно-смешные ответы абитуриентов, которые помогали нам расслабиться и повеселиться. Читайте!

– Спасаясь от животных, употребляя их в пищу, растения вышли на сушу.

– Кровь выполняет роль гидростатического скелета, которая проявляется при напряжении полового члена у мужчин...

– Типичный представитель плоских червей – ЛАМИНАРИЯ.

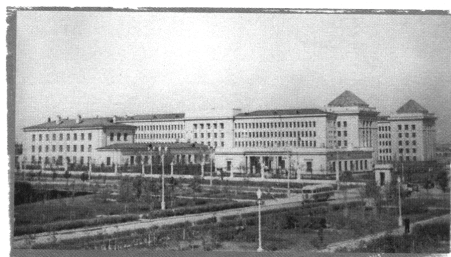
– Пингвин не летает, потому что у него много жира.

Н.Н. Орлова

ТЫ В СЕРДЦЕ МОЁМ, БИОФАК

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И АГИТПОХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА БИОФАКЕ
(1949 – 2004)**

ВОСПОМИНАНИЯ,
ДНЕВНИКИ,
ПИСЬМА,
ФОТОГРАФИИ

Москва
2005

*Титульный лист книги,
посвященной художественной самодеятельности Биофака.
Ответственный редактор книги –
Н.Н. Орлова (Визжилина)*

- У пингвина во время сильного ветра пуховики сбиваются в одно место.
- У осьминога рот – то же анальное отверстие.
- Негры отличаются белоснежными глазами.
- Азиатская раса отличается узкими косыми глазами, что связано с тем, что они вынуждены были смотреть вдаль за своими стадами.
- Птица РЯПУШКА.
- Семя – орган полового размножения.
- ФенотиТ, генотиТ.
- У аскариды три губы – одна верхняя и две сбоку.

***Нина Николаевна Орлова
за работой над рукописями книги
«Ты в сердце моём, Биофак»,
изданной к 250-летию
Московского Государственного Университета***

– У птиц, обитающих в парках, садах, лугах хорошо развит перьевой покров.

31 августа или 1 сентября проводилось первое торжественное собрание новых студентов, на котором декан рассказывал о факультете, его традициях, кафедрах, практиках. Выступали преподаватели и представители общественных организаций. Начиналась учеба.

За пять с лишним лет работы в деканате, как мне кажется, я вполне освоила основные свои обязанности, со студентами контакт был вполне хороший, но были и неприятные моменты. Это довольно частые, спускаемые сверху распоряжения о снятии с занятий определенного количества студентов и направлении их на Ленинский проспект к определенному месту для встречи каких-либо иностранных представителей, в то время часто приезжавших в СССР.

Были и столкновения и неприязнь со стороны некоторых представителей нашего парткома. В какой-то год декан, уйдя в отпуск, назначил меня его заместителем по всем вопросам, потому что в это время остальные заместители, кроме зама по административно-хозяйственной работе, по разным причинам отсутствовали. Именно в это время из Ректората пришло распоряжение выделить лучших преподавателей и сотрудников на награды за хорошую работу в связи с каким-то юбилеем.

Я тут же пригласила секретаря парткома В. Долгова и его заместителя П.В. Матекина и предложила разослать на кафедры распоряжение Ректората, с тем, чтобы лучших людей назвали кафедры.

Против этого предложения выступил П. Матекин, сказав, что они никогда так не делали, а выдвигали кандидатуры сами. Тут же предложил от деканата мою кандидатуру, явно провокационно. Я выразила несогласие и настояла на своем предложении о выдвижении кандидатур кафедрами. Через несколько дней мы получили нужную информацию от кафедр, обсудили ее, кое-что поменяли в списке и отправили его в Ректорат.

Второе столкновение было более серьезным и неприятным. Шло заседание партийного актива, на котором обсуждались вопросы работы факультета на приемных экзаменах. На нем я выступила с критикой действий, вернее, бездействия парткома, особенно секретаря, во время приема. В течение моего выступления Матекин дважды прерывал меня, заявляя, что я нарушаю устав партии. Я все-таки договорилась, но никак не могла понять, в чем мое нарушение. Придя домой, открыла Устав, внимательно его перечитала, но никаких нарушений в своем выступлении не обнаружила. Поскольку оба эти события произошли в одно время, я попросила пришедших ко мне членов парткома объяснить, в чем мое нарушение и дала им Устав. Долгов сразу сказал, что

забыл, в каком месте это написано и попросил Матекина показать мне, какой пункт Устава я нарушила. Матекин полистал Устав и ткнул на страницу, где было написано, что нарушением Устава является разглашение партийной и государственной тайны... Я взорвалась от возмущения – критика секретаря и любого члена партии приветствовалась в Уставе, а партийных и государственных тайн я не касалась. «Не волнуйтесь, пойдите в партком, я вам покажу документы», – сказал Долгов. Пришли в партком, где Долгов, открыв сейф, стал доставать документы с грифом «секретно», которых я никогда в глаза не видела. «Наверное, мы по-разному понимаем этот пункт Устава», – сказал Долгов, «Я думаю, вы просто его не понимаете!», – сказала я и ушла из парткома.

Хотела жаловаться в ЦК партии, но Марлен Асланян, узнав, что при разговоре были только я, Долгов и Матекин, посоветовал не обращаться в ЦК, так как они смогут сказать, что я их оклеветала. Такой же совет дал мне и Александр Иванович Голяков, отец жены моего брата, работавший в ЦК. Такие были времена...

Весной 1980 года я решила оставить работу в деканате, к тому времени успела приобрести гипертонию, было много работы над книгой «Генетический анализ», устала изрядно. Однако декан отказался подписать мое заявление, отослал меня решать этот вопрос в Ректорате. Ректором тогда после гибели Рэма Викторовича Хохлова, был А.А. Логунов, попасть на прием к которому было трудно.

Стала систематически ходить в Ректорат со своим заявлением. Любопытно, что когда я пришла в первый раз и обратилась к секретарше ректора, пожилой даме, работавшей в этой должности еще во времена моей учебы на Биофаке при ректоре И.Г. Петровском, она спросила, кто я и по какому вопросу иду к ректору.

Я назвалась и объяснила суть моего заявления. Она, услышав мою фамилию, засмеялась и сказала: «Так это Вы – зверь Орлова?», чем повергла меня в крайнее изумление. Она, смеясь, сказала, чтобы я не огорчалась. Дело в том, что на прием к ректору часто пытается попасть студент нашего факультета, Стоянов, которого мы дважды исключали за систематическую неуспеваемость, и он считает, что «если бы не зверь Орлова», его бы не исключили. Первый раз его

восстановили благодаря нашему декану, который очень не любил исключать студентов.

Наконец, я попала к ректору. В тот день у него был проректор по естественным факультетам И. Тернов, который достаточно хорошо меня знал. Ректор поинтересовался, почему я хочу уходить, «Ведь, насколько я знаю,— сказал он,— по мнению проректора, работаете Вы успешно». Я сослалась на сложности со здоровьем, гипертонию и пр. Ректор согласился подписать мое заявление, сказав при этом Тернову, чтобы в приказе о моем уходе мне была объявлена благодарность и выдана премия за хорошую плодотворную

*Ген Шангин-Березовский – выпускник Биофака,
композитор и автор многих известных песен
незадолго до своей кончины*

работу. С тем я и ушла, поблагодарив ректора. Вскоре вышел долгожданный приказ, но без благодарности и без премии. Любопытно, что вскоре и Гена Гапочка ушел из Ректората, и

с ним все было так же, как со мной – ни благодарности, ни премии.

В годы работы на Биофаке мне пришлось преподавать генетику в классе физико-математической школы-интерната при МГУ. Это было очень интересно – ребята умные, способные, нацеленные на науку. Они быстро схватывали суть предмета, быстро считали и почти всегда правильно делали выводы. После окончания этой школы на нашу кафедру пришел Сережа Меерсон.

Время работы на Биофаке и на кафедре, наверное, было одним из самых интересных и плодотворных периодов моей жизни. Люди окружали меня в основном симпатичные и увлеченные, студенты замечательные, моральная атмосфера творческая и приятная.

Может быть это не скромно, но скажу, что за это время я получила три грамоты «за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность по подготовке высококвалифицированных биологов», награждена значком Минвуза «Отличник высшей школы», была Победителем соцсоревнования в 1975, 77 и 78 годах и «Ударником X пятилетки» в 1981 году.

Кроме педагогической работы со студентами, несколько лет я вела группы преподавателей, приезжавших к нам со всех концов страны из разных ВУЗов для повышения квалификации – на нашем факультете был еще и факультет повышения квалификации (ФПК), а также неоднократно проводила занятия и читала лекции по генетике для учителей старших классов общеобразовательных школ. За эту работу имею почетные грамоты от Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (в 1974 и 1977 гг.) и Министерства просвещения РСФСР (в 1974 г.)

Время работы на Биофаке знаменательно для меня еще и тем, что я много занималась организацией самодеятельности на факультете и сама активно в ней участвовала. Об этом я подробно написала в нашей книге «Ты в сердце моём, Биофак», поэтому ограничусь лишь перечислением того, что организовала и в чем участвовала сама.

Первое, что я сделала, в апреле 1970 года собрала своих однокурсников, работавших на факультете, и мы организовали встречу нашего курса по поводу 13-летия окончания Биофака. Было славно, душевно. Вспоминали нашу жизнь на факультете, профессоров и преподавателей,

практики. Весело смеялись, разглядывая старые фотографии, где девочки в темных, длинных, ниже колен, юбках, в основном перешитых из старых отцовских брюк или маминых юбок, или, того лучше, в сатиновых спортивных шароварах, в каких-то маловыразительных кофточках.

Мальчики в лыжных брюках и разномастных рубашках – клетчатых ковбойках, гимнастерках, серых косоворотках и т.п. После торжественного собрания, на которое пригласили любимых преподавателей, отправились в ресторан, расположенный на углу Ленинского и Университетского проспектов, где продолжили веселье. Мои однокурсники наградили меня Почетной грамотой, написав, что награждается «неутомимый общественный деятель, один из вождей курса (смешно!), главный организатор вечера встречи выпускников Биофака 1956 года», и все на грамоте расписались. Грамота весьма потрепалась с тех пор, но храню ее, как память.

Почти сразу стала внедряться в факультетскую самодеятельность – ходила на смотры и вечера, на практиках пела наши биофаковские песни и рассказывала о наших замечательных ребятах, походах, смотрах и спектаклях. От слов перешла к делу – в мае 1974 года организовала вечер памяти Ляли Розановой, на котором выступили не только ветераны биофаковской сцены, но и молодые студенты. К этому вечеру организовала свой третий мужской ансамбль, основу которого составляли ребята Братского похода – Сперантов, Москалев, Чепурнов, Черняев, Осипов, Познер, Дмитриев, Иванов и Мунтян – и пришли несколько мальчиков, окончивших факультет позже нас – Вовк, Миттельман, Ермохин, Ефимов и Огнев, а также двое ребят из агитпоходчиков – Кушнарев с истфака и Желтов из какого-то технического ВУЗа.

Осенью того же года устроила творческий вечер Мити Сахарова, на который он пригласил много своих друзей, участвовавших в концерте.

Это были Сергей и Татьяна Никитины, Виктор Берковский, Александр Дулов, поэт Александр Межиров и др.

Весной 1975 года вместе с Сережей Янушкевичем, командором Алтайского агитпохода мы провели вечер 30-летия похода, сценарий которого написал Сергей. Участники похода рассказали о Ляле, ее роли в организации похода, о

наиболее интересных встречах и событиях, об Алтае, исполнили довольно много концертных номеров.

Сергей был известным и уважаемым человеком на факультете. Во время учебы он активно занимался комсомольской работой на курсе, выступал в спортивных соревнованиях и в самодеятельности, он один из организаторов агитпоходов. Аспирантом он возглавлял комсомольскую организацию факультета, был честен и принципиален.

Н.Н. Орлова в китайском саду.

Мне кажется, что все эти встречи и знакомство со «старым» Биофаком произвели на студентов хорошее впечатление, им захотелось продолжить наши традиции.

С 1975 года ежегодно стали проводить вечера первокурсников, где сначала читали шуточный «краткий очерк истории биологии», затем давали концерт, а потом проводили обряд посвящения в студенты, завершавшийся экзаменом первокурсников и «клятвой новопосвященных»:

«Мы, поступившие на первый курс Биологического факультета Московского государственного университета им. Михаила Васильевича Ломоносова, клянемся:

Факультет любить,
Традиции чтить.
Цветы сажать,
Животных не обижать.
Лени не даваться
Сессий не бояться.
Делая науку,
Быть чистыми на руку.
Быть настойчивыми
И морально устойчивыми,
На достигнутом не останавливаться,
ДЕРЗАТЬ!
Клянемся, клянемся, клянемся!»

Посвящение завершалось песнями. Вот часть одного замечательного сонета:

*Достаточно ни месяцев, ни лет,
Лишь часа, чтоб пройдя по коридорам,
Понять, что это лучший факультет,
И всякие сомненья были вздором.*

*Что нет невзгод, а есть одна беда –
На нем не обучаться никогда!*

И еще припев из заключительной песни:

*Жизнь на Планете для нас зародилась,
Это уже не догадка, а факт.*

*Н.Н. Орлова в США
в гостях у своего сына А.О. Орлова.*

Чикаго. 2007 год

*Не забывайте, что ЖИЗНЬ – это БИОС,
Не забывайте, что мы – БИОФАК!*

В конце 1977 года я предложила ребятам дать концерт в знаменитой Таманской дивизии. Представители нашего комитета комсомола, отправились туда, и мы поехали давать концерт, который прошел с большим успехом.

США. Чикаго. 2007 год

В апреле 1977 года в клубе МГУ был вечер старинного русского романса, в котором участвовали лучшие певцы факультета – преподаватели Людмила Гапочка и Циля Сербенюк, а также студенты – Люба Полоцкая, Нина Репина, Боря Ческес и Миша Любимов. Было исполнено много

замечательных классических и современных романсов. Студент Саша Ростовцев, обладавший красивым баритоном, читал прекрасные стихи Н. Гумилева, Вийона и сонеты Шекспира.

Спустя два-три года я вела творческий вечер **Люды Гапочки**, тоже посвященный романсу. Она пела одна и в дуэте с выпускницей химфака Ириной Сухушиной.

Н.Н. Орлова на мостике японского сада. США

Прозвучали романсы Даргомыжского, Алябьева, Чайковского, Римского-Корсакова, Моцарта, Пуччини др. Аудитория была полна – преподаватели, студенты, аспиранты, выпускники. Успех был полный. Люда Гапочка – жена Гены Гапочки, доктор биологических наук, милый, веселый, добрый человек, обладает красивым голосом – сопрано, занимается в вокальном классе Дома ученых, любимая певица Биофака, всегда с удовольствием участвует в наших концертах.

В 1976 и 1977 годах мне удалось убедить ребят первых трех курсов проводить курсовые смотры, что вызвало всплеск творчества, создание капустников и спектаклей, выявило много ярких интересных ребят, умеющих сочинять, петь, танцевать. Один из них – **Андрюша Матвеев**, умный, скромный, необыкновенно приятный парень, с хорошим чувством юмора, поступивший на Биофак после службы в армии. Его замечательная сказка «Живая вода», в которой было много участников – солистов, танцоров и хор, имела большой успех не только на факультете, но и на смотре МГУ. Андрюша хорошо играл на гитаре, неплохо пел. Иногда он приходил ко мне домой, за чашкой чая мы вели неспешные разговоры о жизни, биологии, самодеятельности. Он был лидером и на практиках, часто собирал ребят к костру и пел. Но у него было больное сердце, из-за чего он, к несчастью, очень рано ушел из жизни, вскоре после окончания Биофака в 1993 году. У меня сохранились некоторые стихи из его сказки, но его музыка к ней, к сожалению, пропала. Ее нотной записи нет.

Вот маленький отрывок одного из его стихотворения к сказке:

*Будут круты повороты
На излучинах судьбы.
Бойся лишь фальшивой ноты,
Бойся злобной ворожбы.*

*И когда пора настанет
Сделать выбор лично твой,
Легкий путь тебя поманит...
Будь всегда самим собой!*

*Вечер,
посвященный презентации книги
«Ты в сердце моём, Биофак»*

Подробно о других спектаклях и ребятах, игравших в них, читайте все в той же книге – «Ты в сердце моём, Биофак».

Весной 1985 года к сорокалетию Победы мы устроили вечер с участием ветеранов войны. За литературно-музыкальную композицию, посвященную этому важному событию, мы были награждены дипломом на смотре МГУ.

Затем в 1986 года был проведен грандиозный вечер биофаковской песни. Готовились несколько месяцев, пел большой хор студентов, преподавателей и сотрудников, а я выступала хормейстером.

Сделали большое красивое объявление, пригласили выпускников разных лет. В ББА яблоку негде было упасть. Вечер вел **Леша Наумов**, с которым мы в течение месяца придумывали сценарий вечера. Леша сочинил стихотворение о наших песнях:

*Весенней капелью года отзвенели.
И юность в руках не удержишь никак.
Но помним мы песни, которые пели,
Которые нам подарил Биофак
Путь старость грозит, друзья, сединою,
И множится лет череда за спиной...
Но память жива, и, сознаюсь, не скрою,
Что молодость наша навеки со мной!
В науке всегда нам идти в неизвестность.
Бывает, усталость накатит на грудь.
Но в душу ворвется знакомая песня.
И сразу доступней становится путь.
В пустыне, в лесах, в антарктических водах,
На льдинах дрейфующих станций СП,
Звучат эти песни, как в юные годы,
И чувствуем рядом мы плечи друзей!
И снова мы молоды, полнимся силой.
И, кажется, не было прожитых лет.
За вечную юность, за песни – спасибо,
Спасибо тебе, наш родной факультет!*

С радостью, тепло встретили слушатели выступления авторов песен – Гена Шангина-Березовского и Дмитрия Сахарова.